



Интервью с членом Правления Ассоциации юристов России, ректором Тюменского государственного университета доктором юридических наук, заслуженным юристом Российской Федерации, профессором Геннадием Николаевичем Чеботаревым

– **Геннадий Николаевич, почему Вы выбрали профессию юриста?**

– Первый год после окончания школы я поступал в Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии. Но сразу для себя решил, если не поступлю, второй раз испытывать судьбу не стану.

Вернулся в родной город, начал работать и через год поступил на юридический факультет Воронежского государственного университета. А до поступления на юрфак работал помощником прокурора г. Острожска. На общественных началах, конечно. Тогда такой институт существовал в прокуратуре. Это была хорошая практика. Потому что мне довелось участвовать в разного рода проверках, выступать на судебных заседаниях в качестве общественного обвинителя. Поступив на юридический факультет, я все же предпочел государственно-правовую специализацию, так как на третьем курсе я был избран вторым секретарем Советского райкома ВЛКСМ Тюменской области.

– **Вы были участником Конституционного совещания 1993 года. Удовлетворены ли Вы изменениями, которые произошли в стране после принятия Конституции? Почему? Что бы Вы сделали иначе?**

– Совещание рассматривало, по существу, три варианта текста Конституции. Один вариант был предложен Борисом Николаевичем Ельциным, второй — комиссией, которой тоже поначалу руководил Ельцин, и которая впоследствии продолжала работать самостоятельно и вошла в историю как комиссия Румянцева. И естественно, рассматривали действующую Конституцию. На совещании рабочей группы, в которую входили представители субъектов Федерации, а она была самой многочисленной, рассматривали каждую из статей трех вариантов Конституции, сравнивая и сопоставляя их формулировки до букв. Бывало такое, что по одной статье обсуждение длилось сутками. Споры были нешуточными, но в итоге вырабатывали на основании трех различных и, может быть, принципиально разных подходов ту норму,

которая вошла в окончательный текст Основного закона.

Произошли ли какие-то изменения после того, как была принята Конституция? Несомненно. С принятием Конституции были заложены условия стабильного конституционного развития страны. Ведь на тот момент в 1993 году действующая Конституция Российской Федерации не воспринималась даже специалистами. Юристы не могли разобраться в многочисленных изменениях, которые законодатель (Съезд народных депутатов Российской Федерации. — *Прим. авт.*) вносил чуть ли не ежемесячно. В Конституцию 1978 года — еще советского периода — после первого Съезда народных депутатов было внесено более 300 поправок.

С принятием Конституции была сформирована модель президентской республики. Именно эта Конституция позволила Президенту В.В. Путину перевести развитие нашего государства на конституционные основы. Ушло в прошлое указное право, когда некоторые конституционные нормы отменялись указами Президента.

Что касается вопросов, с которыми я выступал на этом совещании, то они касались проблемы взаимоотношений Тюменской области с входящими в нее автономными округами. Эта полемика длилась у нас уже продолжительное время. На конституционном совещании эта полемика приобрела жесткий характер. Представители автономных округов настаивали на полной независимости своих территорий от Тюменской области. Точнее будет сказать, они выступали за самостоятельное вхождение автономных округов в состав Российской Федерации. Мы же говорили, что никто не принимал еще закона о выходе автономных округов из состава области. В результате была принята компромиссная формулировка в нашей редакции, которую восприняло Конституционное совещание.

Это была на самом деле серьезная, а порой и изнурительная работа. Совещание продолжалось несколько месяцев с перерывами.

– **В 1998 году в Уральской государственной юридической академии Вы защитили докторскую диссертацию на тему**

«Реализация конституционного принципа разделения властей в Российской Федерации». Какие проблемы в реализации данного принципа существуют в современной России?

— В тот момент, когда писалась докторская диссертация, это было актуальной проблемой. Да и сейчас она, быть может, стала еще более актуальной. Традиционная триада разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную существует еще со времен Монтескье. В то время, когда я защищал диссертацию, в стране практически сложилась президентская власть. Но этот новый для России институт власти не был представлен в классической триаде. Он не относился ни к исполнительной ветви власти, то есть Президент не возглавлял Правительство. Не входил он и в законодательную власть, хотя активно участвовал в законотворческой работе. Соответственно он не входил и в судебную власть. Наряду с тремя ветвями власти с принятием конституции фактически была создана и президентская власть. Это один из принципиальных моментов в моей диссертации.

И сейчас президентская власть — мощная, сильная — не может быть отнесена ни к исполнительной, ни к законодательной, а тем более судебной ветвям власти. Кроме того, в диссертации затронуты вопросы, а как быть со статусом и положением таких органов, как прокуратура? Ее, грубо говоря, присоединили к судебной ветви власти. Статьи, нормы Конституции о прокуратуре содержатся в главе, посвященной системе судебной власти. А ведь прокуратора в момент принятия Конституции не была в системе судебной власти. Куда ее отнести?

Что касается проблем реализации принципа разделения властей в современной России, то я бы обратил внимание на одну особенность: при фактической монополии одной партии в составе Государственной Думы депутаты от партии «Единая Россия» составляют конституционное большинство в парламенте, в условиях, когда эту партию возглавляет председатель Правительства,

возникает вопрос — какой быть нашей стране, президентской республикой или парламентской? Этот вопрос уже поднимался не раз. Допускаю, что в будущем наше государство, может, станет парламентской республикой. И тогда, естественно, возникнет необходимость в новом разграничении полномочий между ветвями власти — президентом, парламентом и правительством. Сейчас по-прежнему Россия — президентская республика. Сегодня правительство сформировано не на партийной основе. Кандидатуры председателя правительства и министров внес в Государственную Думу Президент страны. Как это и предусмотрено Конституцией. И поэтому называть его партийным правительством, хотя там могут работать все министры — члены «Единой России», нельзя. Конечно, Президент и председатель Правительства совместно обсуждали кандидатуры будущих членов Правительства. Известно, что в консультациях приняли участие и другие руководители «Единой России», но все равно это Правительство сформировано не по партийному признаку. И пока, судя по заявлениям Президента, у него нет планов менять Конституцию, а стало быть, модель государственного устройства остается прежней. И это правильно. Пока не сформировалась двух-трехпартийная система, пока нет реальной оппозиции, каких-либо резких движений в этом направлении делать не стоит. Иначе можем опять прийти к монополии одной партии — руководящей и направляющей силе общества.

— Вы являлись членом комиссии по помилованию при губернаторе Тюменской области. Что, на Ваш взгляд, выше: милосердие или справедливость? И почему?

— Я проработал два срока в составе этой комиссии. Не думаю, что нужно противопоставлять эти два понятия. Милосердие может быть справедливым. И в свою очередь, справедливость может быть милосердной. Простой пример, мы неоднократно проявляли милосердие в отношении тех, кто совершил незначительные преступления. Ну, украл че-

ловек корову у своего соседа, его осудили. Да еще и на длительный срок. А у него больная жена, трое детей. Вроде бы его осудили справедливо, в соответствии с действующим законом. А мы, члены комиссии, проявляя милосердие, ставим перед Президентом вопрос о досрочном освобождении такого человека из мест лишения свободы. И это справедливо.

В отношении лиц, совершавших тяжкие преступления, мы тоже могли бы проявить милосердие, но это было бы несправедливо по отношению к тем людям, родственников которых он лишил жизни или нанес им тяжкие увечья. К таким людям проявлять милосердие несправедливо.

– Какой опыт Вы приобрели, работая в этой комиссии?

– Я стал внимательнее прислушиваться к иному мнению, которое не совпадало с моим. Ситуации, которые мы рассматривали, были чрезвычайно сложными. И я вам скажу, часто психологически трудно было принимать решения. Мнения членов комиссии нередко расходились. Одни считали, что к определенным осужденным совсем не надо проявлять милосердие. Другие, наоборот, призывали коллег идти навстречу просьбам осужденных, обратить внимание на обращения коллективов, в которых ранее работали осужденные, учитывать смягчающие обстоятельства. Слушая различные мнения при обсуждении большинства дел, приходилось, что называется, терзаться сомнениями. Взвешивать все точки зрения, искать компромисс. И тут важно понимать, что твое мнение тоже не может быть единственно правильным. Словом, работа в этой комиссии приучала, как сейчас модно говорить, быть толерантным, то есть терпимым к иной точке зрения.

В комиссии работали самые разные люди. Надо отдать должное председателю комиссии Юрию Петровичу Марову, который давал возможность при рассмотрении всех вопросов выступить всем. Заседания всегда проводились так, что мы, как правило, находили согласие по рассматриваемым делам.

Хотя были случаи, когда, к примеру, секретарь комиссии, голосовала по-своему, не так, как председатель. И в этом никто не видел никакой драмы. У нас была демократичная атмосфера. Что касается меня, то я чаще старался голосовать с позиций милосердия, учитывая нормы права. Хотя были и такие дела, когда совершенно не хотелось думать о милосердии. Мы рассматривали прошения от лиц, совершивших преступления с особым цинизмом. О помиловании просили настоящие душегубы, на счету которых не одна загубленная жизнь. В таких случаях проявлять милосердие невозможно.

Мы ездили и в места лишения свободы. Встречались с теми, кто писал эти прошения о помиловании. И не только с ними. С большим количеством заключенных. Такие поездки превращались в многочасовые встречи-разговоры. Мы имели возможность посмотреть в глаза этим людям, задать им вопросы. И этот опыт тоже добавлял знаний, мы могли понять, искренен ли человек. И на самом ли деле он раскаивается в содеянном? Или это только слова, написанные на казенной бумаге?

Эти два срока работы в комиссии по помилованию дали мне много. Я еще раз убедился в том, насколько сложна работа судьи. Участвуя на заре своей юности в судебном заседании в качестве общественного обвинителя, я скоро понял, что это работа не для меня. Сейчас точно не помню, после какого заседания я решил, что прокурором или судьей я точно не стану. Может, после того, как мне пришлось на суде выступить в качестве обвинителя против своего соседа по улице? Я его хорошо знал, встречались. Знаком был и с его родителями. А они, в свою очередь, знали моих родителей. Я не смог отказаться от участия в этом процессе. И я мучительно готовился к процессу. На меня воздействовали. А я ведь тогда был мальчишкой. Года не прошло после окончания школы. Но я понимал, что участвовать в процессе надо, ведь преступление, которое совершил мой сосед, было на самом деле тяжким, циничным. Он полоснул бритвой нашего же ровесника, приехавшего на побывку к родным из армии.

Причиной мести была, наверное, ревность. Увечья он нанес такие, что отметина на лице солдата осталась на всю жизнь: был задет лицевой нерв. Человек остался изувеченным. Прежде чем выступить с обвинением, я провел свое небольшое расследование, поинтересовался о том, что думают об этом соседи его одноклассники, товарищи по работе. Характеристики были в крайней степени отрицательными. Но вместе с тем, участвуя в этом, прозрачном с точки зрения вины обвиняемого процессе, я понял, насколько тяжел труд судьи. Это ведь надо через себя пропускать все, с чем имеешь дело. Боль и страдание потерпевших, слезы родственников, и при этом брать на себя огромную ответственность за принимаемые решения, за то, что ты, и только ты решаешь судьбу человека, лишаешь его свободы. И ведь бывали такие случаи, когда в тюрьму попадали и невиновные люди. После нескольких процессов я понял, судьей мне не быть. Слишком близко к сердцу я все принимал и сильно переживал.

– Вы являлись заместителем председателя квалификационной коллегии судей Тюменской области. Как Вы оцениваете уровень профессионализма отечественных судей?

– Да, я работал в этой коллегии в роли заместителя председателя. Однако, поскольку более двух сроков на этой должности работать нельзя, прошли перевыборы. Мы давали рекомендации на избрание судей районных, областного суда и мировых судей на конкурсной основе. А после принятия квалификационной коллегией решения дела отправляются на рассмотрение Президенту. Он и назначает судей.

Что касается вопроса профессионализма, то на эту тему уже высказывался Президент страны Дмитрий Анатольевич Медведев. Он отметил, что снижается уровень квалификации судейского корпуса, обратил внимание на то, что слишком много в нашей стране юридических вузов, а уровень подготовки юристов недостаточно высок. Я согласен с точкой зрения Президента. Замечу, что если

раньше в СССР было всего 52 высших учебных заведения, которые готовили юристов, то сейчас их уже полторы тысячи. И вместе с тем мы имеем потрясающий парадокс: юристов много, но хороших юристов не хватает. Следует отметить, что до сих пор не продумана система подготовки кадров именно для судов. Есть у нас академия правосудия, которая пытается организовать подготовку судей. Но есть юридические факультеты в технических вузах, что само по себе нонсенс. И вместе с тем следует сказать, что не каждый юрист подготовлен к этой сложной, трудной миссии — судить других людей. Я согласен, что надо продумывать меры по улучшению юридического образования, решать вопросы прежде всего факультетов в непрофильных институтах. При этом необходимо предпринять усилия к тому, чтобы сосредоточить лучшие профессорско-преподавательские кадры в юридических институтах или университетах с тем, чтобы усовершенствовать подготовку судей, ориентируя выпускников на работу в судейской корпорации. Хотя есть общее требование: надо иметь пять лет юридического стажа, прежде чем выпускник вуза вправе претендовать на должность судьи.

В Германии, между прочим, вся система юридического образования в университетах нацелена на подготовку квалифицированных судей. Но на должности судей, тем не менее, отбирается после окончания университета не более десяти процентов выпускников. Остальные уходят на работу в адвокатуру, прокуратуру. Там очень продуманная система отбора. После четырехлетнего обучения студенты этих университетов зачисляются на один год в референдарий. И в течение этого года проходят практику в судах. Они обучаются практическим навыкам ведения дел. Так, им поручают расследовать конкретные дела. Причем интересно построена эта система практики. Им дается дело, находящееся в производстве, поначалу для изучения с позиции обвинителя. Когда он выполнит это задание, ему меняют задачу, и это же дело рассматривается с позиции адвоката. А в довершение всего, конечно, с позиции судьи. После

годовой стажировки они возвращаются в университет и сдают еще один экзамен независимой комиссии, наполовину состоящей из профессоров университета, а наполовину из судей. Причем эти профессора и преподаватели приглашаются из других вузов. Тем самым происходит действительно тщательный отбор судейского корпуса. Судьями становятся самые подготовленные и компетентные выпускники.

У нас тоже сейчас складывается нечто подобное. После окончания вуза сразу вас Президент не назначит судьей. Нужно сдать квалификационный экзамен комиссии, которая оценивает знания претендентов на должность судьи. Сдавшие этот экзамен подают заявления на вакантную должность, и как раз квалификационная комиссия решает их дальнейшую профессиональную судьбу. Особенно большой конкурс у нас был на должности судей арбитражного суда. Это более привлекало претендентов почему-то.

Так что такой механизм рассмотрения кандидатур судей есть, надо его доводить до совершенства, отладить таким образом, чтобы все звенья по подготовке и назначению судей представляли одну цепочку: вуз, с его тщательно продуманной подготовкой специалистов конкретно на должность судьи, — практика, которая должна осуществляться именно в стенах суда, быть может, в должности помощника судьи — квалификационная коллегия. И я должен заметить, чаще всего в этом конкурсе побеждали именно те претенденты, кто имел практический стаж работы в суде.

Что касается Института государства и права Тюменского государственного университета, то такой опыт сотрудничества института и суда есть. Во-первых, еще будучи заместителем председателя областного суда, нынешний его председатель А.М. Сушинских долгие годы являлся членом попечительского совета нашего института. Так что взаимоотношения вуза с судом у нас имеют большую историю. В разговорах с коллегами, в выступлениях на различных официальных мероприятиях, а также в интервью, которое опубликовано в юбилейной книге «ИГиП.

Штрихи к портрету» Анатолий Михайлович дает довольно высокую оценку выпускникам нашего института. При этом замечает, что «у нас в областном суде работает несколько человек, которые окончили Институт государства и права. Я могу больше даже сказать, что более трети судейского корпуса Тюменской области составляют выпускники тюменской юридической школы из госуниверситета. Про них можно сказать — добротные профессионалы. Они могут решать любые дела. Теперь наша школа имеет имя как раз через тех студентов, которые проявили себя на практике. Я не оговорился, именно школа». Такая оценка дорогого стоит. И кстати, вернувшись в областной суд после небольшого перерыва, уже на должность председателя суда, он стал председателем государственной аттестационной комиссии по специальности «Юриспруденция». И он неформально подходит к исполнению этой важной миссии. Ему нравится, судя по всему, общаться с нашими студентами.

Кстати, среди тех, кто окончил наш институт, уже есть люди, добившиеся больших профессиональных успехов. Например, заместитель председателя Тюменского областного суда Александр Антипин. Есть несколько председателей районных судов.

Что касается профессионализма нашего всего судейского корпуса, то я бы сказал, что он высокий. Другой вопрос, есть и проблемы.

— Кстати, как Вы считаете, какие проблемы стоят перед судебной системой России?

— На эту тему много уже сказал наш Президент Дмитрий Анатольевич Медведев. Что касается реформирования системы, то это долгий процесс. И Президент особо подчеркивает одну важную проблему — искоренение коррупции. Эту болезнь непросто победить.

Вторая проблема, которую следует решать нашей судебной системе, — это подготовка кадров. Мало написать толковую учебную программу. Перечень вопросов на этом пути

к совершенству очень большой. И так быстро мы тут успехов не добьемся.

Президент обратил внимание общества на обеспечение подлинной независимости судов. И чтобы обеспечить эту подлинную независимость, надо очень много сделать. Одним указом этот вопрос точно не решить. Во-первых, еще со студенческой скамьи надо воспитывать будущих судей, как людей честных, ответственных, профессиональных, совестливых, не поддающихся на уговоры... Если эти качества есть в человеке, то никакое телефонное право на них не повлияет, не станет выше норм закона, которые он должен неукоснительно соблюдать. И я надеюсь, таких людей в судебной системе большинство. Хотя есть и такие, кто поддается всяким искушениям.

Я хочу привести один пример из недавнего советского прошлого. Он не совсем имеет отношение к нашей с вами теме, но интересен. Недавно прочитал интервью бывшего главного редактора областной газеты «Тюменская правда» В.С. Горбачева. Так вот он пишет, когда его назначили на должность главного редактора, буквально после очередного пленума обкома партии, он отредактировал доклад первого секретаря Г.П. Богомякова. Сделал некоторые сокращения, что-то написал своими словами. Но опубликовать без согласования не решился. Пробился на прием. Зашел в кабинет и положил на стол этот обновленный доклад со словами: «Читайте!» Первый секретарь искренне удивился, произнес: «Так это ж мой доклад!» На что последовало предложение посмотреть, одобрить. Первый задал простой вопрос: «Кем я работаю?» Услышав: «Первым секретарем обкома партии», спросил: «А вы кем?» Ответ был: «Редактором». Тогда прозвучало предложение: «Так вот давайте каждый заниматься своим делом. Вы редактируйте газету, а я буду отвечать за ту работу, что поручила мне партия».

Так и в нашем с вами вопросе напрашивается такой же ответ — каждый должен заниматься своим делом, судья, к примеру, разбираться и судить. Без вмешательства и подсказок извне. А если судья не может

противостоять телефонному праву, то ему надо уходить. Другого не дано. И, кстати, на заседании квалификационной коллегии мы рассматривали случаи ненадлежащего исполнения своих должностных обязанностей судьями. И выносили решения об отстранении от работы за неправомерные решения. Про квартирную аферу одного судьи я хорошо помню.

— С 1985 года Вы работаете в Тюменском государственном университете. Как за эти годы изменились студенты, которые хотят стать юристами? Как Вы оцениваете эти изменения?

— В 1985 году я впервые встретился со студентами, которые учились на отделении правоведения исторического факультета. До сих пор помню первую лекцию. С этого момента много воды утекло. Студенты оканчивали университет и становились профессионалами. Я тоже не стоял на месте. Учился, защитил кандидатскую, а потом и докторскую диссертации. Стал деканом факультета, потом был проректором университета по учебной работе, директором Института государства и права, а сейчас вот работаю ректором университета. И по-прежнему читаю лекции студентам. Как без них? В течение всего времени работы в университете не отрывался от студентов. Я с удовольствием общаюсь со студентами. В этом году проводил даже семинарские занятия в студенческой группе.

Самую высокую оценку моего скромного преподавательского труда дали мне коллеги, когда пришли и сказали: «Геннадий Николаевич, у нас отбоя нет от желающих записаться на государственно-правовую специализацию». Я старался заинтересовывать своих студентов, проводил с ними игры. Мы, например, выбирали председателя городской думы. Причем, прежде чем провести финальную часть этой игры, наши студенты ходили на заседания Тюменской городской думы. Участвовали в работе постоянных комиссий, проштудировали устав, изучили регламент работы думы. Интересно, что группа выдвигала на должность председателя городской

думы неформальных лидеров. Было тайное голосование. На конкурсной основе. Три кандидата готовили свои программы, которые содержали данные из нашей городской жизни, проблемы, которые надо решать. Они вникали в вопросы реальной городской жизни, советовались со специалистами, проводили анкетирование среди жителей города. И представили такие программы, которые далеко не все из тех, кто реально сегодня работает в городской власти, смогли бы сочинить. Их доклады были интересными и вызвали настоящую полемику. Были даже телевизионные дебаты, которые снимались на камеру. Их работу оценивал и доктор психологических наук, профессор Евгений Алексеевич Науменко. Эти практические занятия показали, что надо не просто знания студентам передавать. Куда важнее, быть может, формировать практические навыки. Деловые игры для студентов очень полезны. Они писали проект решения думы. И таким образом учились нормотворческой работе.

По сравнению с прошлыми годами современные студенты стали более прагматичными, рациональными. Хотя, с другой стороны, — более смелыми и раскованными. А с третьей — более информированными и эрудированными. Их культура и эрудиция имеют свои оттенки. В 1985 году будущие юристы изучали делопроизводство. Помню, по большому благу было закуплено 15 печатных машинок. И студенты с удовольствием печатали на них. Тогда никто не знал ничего об Интернете, с помощью которого современные студенты могут в несколько мгновений найти нужную информацию. Они легко пользуются всеми базами данных. И мне приятно сказать, что наши студенты на недавней олимпиаде по юриспруденции в Екатеринбурге стали победителями. Теперь четверо из них едут на финальную часть олимпиады в Москву.

— В молодости Вы активно участвовали в общественной жизни, были первым секретарем Тюменского обкома комсомола. Что дал Вам приобретенный опыт

комсомольской работы в жизни? Что бы Вы хотели возродить из прошлого?

— Комсомол дал мне многое, научил работать, руководить, общаться с разными людьми, отвечать за принятые решения. Много можно перечислять.

Что касается вопроса о том, что бы я предложил возродить из недавнего прошлого, я бы ответил так: прошлое вернуть нельзя. Жить надо настоящим и будущим. А в настоящем учитывать опыт прошлого. Мне кажется, тогда был интересен опыт работы с подростками, молодежью. Уже возродились студенческие строительные отряды. У нас в университете это движение популярно среди студентов. Возрождается военно-патриотическое воспитание. Опять же, у нас в университете есть прекрасный поисковый отряд, студенты в его составе каждое лето выезжают на раскопки в леса под городом Великий Новгород, где шли страшные бои Великой Отечественной. У нас в Тюмени возрождается работа с молодежью по месту жительства. В прежние годы были популярны всевозможные дворовые соревнования — от «Кожаного мяча» до «Золотой шайбы». Надо строить как можно больше спортивных площадок, возрождать клубное движение. У нас в городе есть детские клубы с многолетней историей. Например, «Кижеватовец», «Алькор». Помню, как в недавнем прошлом студенты в свои стройотряды включали трудных подростков, стоящих на учете в детской комнате милиции. И это приносило пользу. Я считаю, надо развивать правовое просвещение среди школьников и студентов. И создавать условия для формирования не единой какой-то общественной детской организации, а разных общественных движений.

Я недавно с большим интересом познакомился с работой нашей студенческой общественной организации по защите прав потребителей «Северный стандарт», которую организовали студенты Института государства и права. Они очень много делают в плане контроля за соблюдением правил торговли. Недавно провели очень интересную акцию по проверке студенческих столовых. Или они

обратили внимание на то, что норма в законе, запрещающая водителям курить во время движения, не действует. Ответственности никакой нет. Наши студенты организовали разговор за «круглым столом», пригласили к нему разных руководителей. Был среди его участников и один из руководителей ГИБДД. И он согласился со студентами, признав, что многие дорожно-транспортные происшествия происходят в том числе и по причине курения за рулем. И даже статистику привел. Было принято обращение к областной Думе выступить с законодательной инициативой об установлении административной ответственности. Вот такой работой наши студенты занимаются. Хорошая инициатива, их надо поддерживать.

Хорошо у нас в университете развивается волонтерское движение. Словом, я за многообразие форм работы.

– Как, на Ваш взгляд, необходимо строить молодежную политику в России?

– Тут много вариантов. Одним из эффективных способов, способствующих объединению молодежи, может стать спорт. Но нужно строить стадионы, корты, бассейны. Спорт может отвлечь молодежь от наркомании, курения, пьянства, алкоголизма. И такие примеры у нас уже есть. Смотрите, Газпром в течение нескольких лет ведет целенаправленную политику вовлечения детей в занятия спортом. Я так полагаю, это началось не без одобрения и участия нашего Президента Дмитрия Медведева, который совсем недавно был еще председателем Совета директоров этой компании.

– По Вашей инициативе при Тюменской областной думе создана студенческая общественная дума. Как Вы считаете, задача построения гражданского общества выполнима в России? Почему?

– Конечно. И альтернативы нет. Если мы хотим жить в процветающей и свободной стране, где ценится достоинство человека. И оно уже начинает формироваться. Я, на-

пример, считаю, что всевозможные некоммерческие организации, особенно те, что считаются общественными, помогут сформировать гражданское общество. А важным элементом гражданского общества может и должно стать местное самоуправление. В частности, общественно-территориальное самоуправление. Это советы микрорайонов, домкомы. Тут и должна проявляться инициатива. Общество должно провозгласить курс на укрепление семьи как первичной ячейки. И не один год надо посвящать семье. Возрождать фундаментальную значимость не только права, но и семейных отношений.

Без всякого сомнения, и партии тоже являются структурами гражданского общества. Конечно, мы должны обращать внимание на правовое просвещение. У нас пока вопиющий правовой нигилизм. Его надо преодолевать. Ибо никогда у нас не получится создать гражданское общество, если в обществе правят беззаконие, анархия, не будут уважаться права и свободы человека...

– Вы являетесь членом правления Ассоциации юристов России. Как, на Ваш взгляд, должна Ассоциация развиваться в будущем?

– Поначалу у нас в стране было два союза юристов — Российский союз юристов и Союз юристов России. Так уже получилось, что мне пришлось входить и в тот, и в другой. В Российском союзе юристов, где председателем был Требков Андрей Адамович, я был даже вице-президентом. Союзы потом объединились. Я был делегатом первого съезда Ассоциации юристов России. Как и второго. Избрали меня и в правление Ассоциации.

Наша организация развивается. Создан юридический канал на НТВ+. И он в круглосуточном режиме занимается правовым просвещением. Идея создания канала была поддержана Д.А. Медведевым, и с помощью Газпрома этот проект был профинансирован. Одобрение было получено на самом верху, от В.В. Путина. Кстати, будучи Президентом, он состоял в единственной организации — на-

шей Ассоциации. И у него членский билет номер один.

Ассоциация решила создать сеть юридических консультаций, сотрудники которых оказывали бы бесплатную помощь гражданам. В нашей области уже не один год работает студенческая юридическая консультация в Институте государства и права. Сейчас мы создаем ее филиал в том округе, где я избран депутатом городской Думы. Размещаться он будет на базе детско-юношеского клуба «Пламя». Два раза в неделю студенты четвертого курса ИГиПа вместе с моими общественными помощниками будут вести прием граждан. Это одно из направлений работы нашей Ассоциации — просветительство. И мы его развиваем.

Второе направление — подготовка специалистов. Ассоциация намерена проводить общественную аккредитацию юридичес-

ких факультетов и институтов нашей страны. Заключен договор с Рособрнадзором. Так вот на основании выводов моих коллег Рособрнадзор сможет сделать выводы по поводу качества подготовки специалистов по юриспруденции.

Мне кажется, Ассоциация может проявить инициативу и помочь созданной юридической общественной академии приобрести статус государственной. Наряду с академией сельского хозяйства, медицинской, образования. Если Президент Медведев говорит о том, что надо придать фундаментальную роль праву в нашей стране, то и следует использовать богатый потенциал права для развития нашей страны. Значит, надо формировать и такие важные структуры.

**Интервью брали
Гецевич И.Я.
Оводов А.А.**